

И.И. Глебова

**О РОССИЕВЕДЕНИИ В РОССИИ
И ЦЕНТРЕ РОССИЕВЕДЕНИЯ ИНИОН РАН**

Памяти В.Н. Листовской¹

***Аннотация.** В статье обсуждаются причины возникновения и перспективы развития россиеведения – нового направления в социогуманитарной науке. В его рамках Россия рассматривается как особый культурно-исторический тип. Предпринимается попытка преодолеть при ее изучении дисциплинарную ограниченность. Это предполагает уход от историко-, политико- и т.п. центричности. Взамен предлагается «россиецентричность». В статье также представлены некоторые результаты работы Центра россиеведения ИНИОН РАН. Он создан в 2008 г., с 2009 г. выходит продолжающееся издание «Труды по россиеведению».*

***Ключевые слова:** Россия; россиеведение; европеизм; социокультурная целостность; социоисторическая целостность; Центр россиеведения ИНИОН РАН.*

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук,
руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН, Москва.
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru

**I.I. Glebova. About Russian Studies in Russia and at the Russian Studies
Centre of the Institute of Scientific Information for Social Sciences**

***Abstract.** The article explores the reasons for emergence as well as perspectives of development of a new dimension in social-human sciences – i.e. Russian studies. It provides a framework in which Russia is analyzed as a specific type of sociohistorical entity in an attempt to avoid any disciplinary limitations in research process. It suggests a move away from centrality of historical, political or any other nature. «Russian centrality» is proposed instead. The article also gives an overview of a number of research studies*

---

¹ 28 января 2019 г. умерла Валентина Николаевна Листовская. Она была редактором, участником, соавтором всех трудов (изданий, начинаний) нашего Центра. Ее нечем заменить; мы осиротели. Все наши будущие работы (если они осуществляются) – в ее память.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

---

produced by the Institute's of Scientific Information for Social Sciences Russian Studies Centre, which was created in 2008. An edition titled «Works on the Russian studies» is published from 2009 onwards.

Keywords: *Russia; Russian studies; europeism; sociocultural integrity; sociohistorical integrity; Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Studies Centre.*

**Glebova Irina Igorevna – Doctor of Political Sciences,
Head of the Center of Russian Studies, INION RAN, Moscow.
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru**

О Центре

В 2008 г. в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН был создан Центр россиеведения. Предполагалось, что он станет одним из «инструментов» решения большой задачи: изучения России как особого социоисторического, социокультурного явления, одной из дискуссионных площадок, на которой будут обсуждаться, приобретая публичный статус, адекватные этой задаче подходы, идеи, концепции.

Россиеведение не случайно появилось (и укоренилось) в ИНИОНе. Этот Институт всегда занимался: анализом современной зарубежной науки, выявлением ее новых направлений. Именно поэтому в ИНИОНе развивались дисциплины, отвергавшиеся советской наукой. Визитная карточка Института в постсоветское время (с 1990-х годов до конца второго десятилетия XXI в.) – политическая наука, культурология, науковедение. К этим новациям принадлежит и россиеведение.

К моменту создания нашего Центра в ИНИОНе был накоплен большой и во многом уникальный опыт анализа западных исследований, посвященных России. Немаловажно и то, что в Институте последовательно и профессионально изучалась советология. Рефераты, аналитические обзоры, переводы, справочно-информационные издания, здесь подготовленные, стали базой для формирования отечественного россиеведения.

Наконец за десятилетия существования в ИНИОНе было создано пространство взаимодействия разных направлений социально-гуманитарной науки. В организационной структуре Института представлены основные «отрасли» социально-гуманитарного знания (научные отделы формировались в соответствии с «дисциплинарным» и «страноведческим» принципами). Здесь появился особый – универсальный – тип исследователя, не заикленного на узкой проблеме, каком-то одном периоде, не замкнутого в рамках определенного направления, но способного реализовать идею междисциплинарности, научного синтеза. ИНИОН «предлагал» бóльшие, чем другие подразделения РАН, возможности для исследований России полидисциплинарного

и сравнительного характера, поэтому и стал «опытной площадкой» россиеведения.

В течение вот уже десяти лет (с 2009 г.) Центр издает сборник научных работ «Труды по россиеведению»². Это самый долговременный в нашей стране проект по россиеведению; его постоянные авторы – ведущие российские и зарубежные историки, политологи, юристы, специалисты по международным отношениям и др. из институтов РАН и высшей школы. Мы рассматривали «Труды...» как своего рода лабораторию по выработке современного взгляда на Россию в ее историческом бытовании. В научном отношении примером для нас являлись труды русской Академической группы, вышедшие в США в середине прошлого века. В идейном – мы ориентировались на лучший, пожалуй, эмигрантский журнал – «Современные записки» (Париж, 1920–1940).

Каждый выпуск «Трудов...» строится вокруг определенных тем, но содержательно они не исчерпываются тематическими материалами. В сборнике есть постоянные рубрики: «Современная Россия», «История и историческая память», «Взгляд со стороны», «Наследие – наследникам», «Публицистическая мозаика». Особое внимание уделяется темам исторической памяти и национальной идентичности; печатаются материалы, посвященные важнейшим историческим юбилеям первой четверти XXI в. (русских революций, Первой мировой и Великой Отечественной войн и др.). Для «Трудов...» характерно смешение жанров, тем, исследовательских подходов, мировоззренческих позиций. Здесь публикуются не только строго академические тексты, но и публицистические и эссеистические, интервью и рецензии, обзоры и рефераты современной зарубежной и российской науки, малоизвестные работы отечественных мыслителей конца XIX – первой половины XX в. (Б.Н. Чичерина, А.С. Алексеева, А.С. Изгоева, П.Д. Кончаловского, П.Б. Струве, Ф.А. Степуна, Е.В. Спекторского и др.), архивные документы.

С 2008 г. Центр россиеведения ИНИОН РАН проводит семинары, на которых ведущие российские и зарубежные исследователи, общественные деятели (Ю.Н. Афанасьев, Л.Д. Гудков, К.Г. Холодковский, Ю.С. Пивоваров, Э.А. Паин, В.К. Кантор, А.С. Кончаловский и др.) обсуждают ключевые вопросы истории и современного положения России. Являясь своего рода собранием актуальных мнений, позиций, взглядов на ситуацию в стране, семинары также дают срез состояния научного сообщества (см.: [5]).

Важной вехой в деятельности Центра мы считаем издание «Хрестоматии по россиеведению» [13]. Полагая россиеведение прежде всего опытом самопознания, его первоочередную задачу мы видели в «кодификации» современ-

---

2. К 2019 г. вышли семь выпусков общим объемом около 250 а. л. [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

ной русской мысли, обобщении накопленных ею знаний о России. Нам представляется, что вошедшие в «Хрестоматию...» тексты – такое же достояние нашей науки, как и работы русских мыслителей начала XX в. Симптоматично: в последние 25 лет, как и столетие назад, наблюдается настоящий всплеск руссиеведческих исследований. Видимо, социальные катаклизмы, губительные для страны, подстегивают мысль, просвещая лучше, чем иные учебники.

Наконец в сотрудничестве с другими подразделениями ИНИОНа Центр выпустил справочно-информационное издание, посвященное руссиеведению в России и российским руссиеведам (инициаторы проекта – В.И. Плющев и М.С. Пальников) [3]. Мы рассматривали этот проект не только как форму привлечения к сотрудничеству исследователей со всей России, но и как возможность обсудить проблемы руссиеведения (взгляды на предмет, круг авторитетных имен и исследований и т.д.).

Представляя Центр руссиеведения, в заключение отметим: за годы работы вокруг него сформировалось ядро постоянных авторов, которые не только публикуются в «Трудах...» и участвуют в наших семинарах, но и популяризируют идеи, в нем разрабатываемые. В целом деятельность этого подразделения строится на сетевом взаимодействии исследователей из России и других стран мира. Это не только соответствует современным принципам организации науки (и отражает модель современного общества), но как нельзя лучше способствует развитию руссиеведения. Тем самым диктуется необходимость создания временных творческих коллективов из специалистов разных отраслей социально-гуманитарного знания для разработки отдельных исследовательских проектов.

Центр руссиеведения сотрудничает с ведущими институтами РАН (русской истории, экономики, мировой экономики и международных отношений и др.) и высшими учебными заведениями России (МГУ, РГГУ, ГУ-ВШЭ, Южным Федеральным университетом и проч.). Мы активно вовлечены в международное сотрудничество. Своим же главным партнером считаем Центр русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, который является одним из лидеров и координатором изучения России в Центральной и Восточной Европе.

Почему руссиеведение

В последние четверть века в нашей стране появились специальные научные подразделения по изучению России. Видимо, создание таких структур – не случайность.

В СССР изучение российской социальности не стало (да и не могло стать) самостоятельным исследовательским направлением. Этим в равной мере занимались историки, экономисты, юристы, позже – социологи, демо-

графы и т.д. Ситуацию «разделенности», дискретности пытались преодолеть (правда, не с целью анализировать именно Россию) в рамках дисциплины «научный коммунизм», учрежденной в 1960-е годы. Здесь предполагалось синтезировать разные области социально-гуманитарного знания, дав им общую методологию. Эта попытка, однако, не удалась – догматический советский марксизм-ленинизм в качестве такой методологии полностью себя дискредитировал.

На рубеже 1980–1990-х годов российская наука перешла к массовой рецепции исследовательских подходов западного обществоведения. Однако практика доказала, что вырванные из контекста чужие методы не работают; с помощью одной лишь рецепции западных концепций нельзя адекватно описать российскую реальность. Таким образом, после отказа от марксистско-ленинской идеологии и осознания недостаточности западных исследовательских методологий «обнаружился» если не вакуум, то очень существенный дефицит понимания того, что происходило и происходит в России. В этих условиях и стали возникать подразделения по ее изучению. Во всяком случае по этой причине создан Центр россиеведения ИНИОН РАН.

Россиеведение, как мы полагаем, нацелено на то, чтобы исследовать Россию целостно и преодолеть узость, ограниченность «отраслевых» подходов (т.е. выйти за рамки историко-, экономо-, политико- и любой другой центричности). При этом нет нужды отказываться от традиционной классификации наук, механически сводить воедино разные области знания, прикрываясь «легендой» междисциплинарности. Работая в рамках определенного «раздела» социальной науки, следует иметь в виду Россию как целое (в качестве обязательного «фона») и соотносить различные темы с этим целым.

Следовательно, россиеведение предполагает наличие особого объекта анализа – России. В науке есть достаточно авторитетное мнение: Россия не является особой, самостоятельной цивилизацией. Отсюда попытки ее изучения в рамках Запада или Востока. Нам, однако, кажется очевидным: та «историческая субстанция», которая в разные времена называлась Московским царством – Российской империей – СССР – Россией (и имела преемственные связи с Киевской и княжеско-удельной Русью, а также Золотой Ордой), демонстрирует культурную общность и особость. Кроме того, эта целостность локализована в очень определенной (не схожей ни с какой иной) природно-географической среде.

Исторически мы имеем дело с чередой Россией – разных, но и чрезвычайно схожих. Эти России полностью не вписываются ни в европейский, ни в азиатский ход исторического развития. Отсюда и предложение изучать их

как определенный культурно-исторический тип³. Не раз и навсегда данный, но постоянно изменяющийся и сохраняющий при этом свои особенные черты. Существующий не отдельно от всех, но наряду с другими культурно-историческими типами – в общем темпоральном, цивилизационном контексте. Мы не предлагаем выявлять какую-то российскую исключительность («экзотичность») – нас интересует то *особенное*, что входит в ткань *исторического бытия данной культуры*.

Настаивая на необходимости россиеведения, мы вовсе не выступаем за создание какой-то интегральной науки о России. Россиеведение – это определенный *подход*, определенная *точка зрения* на Россию. В рамках такого подхода утверждается: наука не может принять какую-то культуру за норму и подходить к другим культурам с позиций этой нормы. Наука не должна рассматривать разные культуры сквозь призму некоего универсального общества и предлагать в их отношении решения, которые дало бы это универсальное общество. Россиеведение предполагает изучение России с позиций не «дóлжного», а «сущего»; исходит из необходимости признания «нормативности фактического» (т.е. «наличной») социальности – данной экономики, данной политики и т.д.); нацелено на описание этих «данностей». Все это, конечно, не означает морального релятивизма, а также искусственного выделения России из общего исторического потока, противопоставления ее человечеству и общечеловеческому, отрицания традиций русского европеизма, совместимости нашей страны со свободой и демократией и т.п.

Таким образом, в ситуации острого методологического кризиса (спроса на методологии) явление россиеведения в России вполне естественно (если не закономерно). Это, однако, не единственная методологическая находка нашего времени. В последние десятилетия в отечественной науке большое влияние обрели различные версии цивилизационного подхода. Мы говорим об этом потому, что существует соблазн путать россиеведение с цивилизационным подходом; более того, считать россиеведение его частным случаем (вариантом). Несмотря на некоторую внешнюю схожесть цивилизационных теорий и россиеведения, они, безусловно, находятся в антагонистических отношениях.

Как известно, цивилизационный подход возник в России в конце 60-х годов XIX в. Речь идет об известной книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Вскоре после выхода начались острые дискуссии вокруг ее содержания, в которых приняли участие крупнейшие представители русской мысли того времени. Дискуссия продолжилась и в конце XIX – начале XX в. Среди про-

---

3. Термин «культурно-исторический тип» принадлежит Н.Я. Данилевскому. Мы, однако, вкладываем в этот термин несколько иной смысл: скорее, метафорический, чем претендующий на «научность», и уж никогда – морфологический.

тивников Данилевского были такие выдающиеся представители российской науки и философии, как Н.Н. Бердяев, П.Н. Милуков, Н.Н. Кареев, Н.Ф. Федоров и др. Среди сторонников – Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, евразийцы и проч.

По своему влиянию цивилизационный подход можно сравнить с возникшим гораздо ранее формационным (скажем, с марксизмом). Это не случайно. Цивилизационный подход значительно расширяет возможности понимания эволюции социумов. Позволяя выявить специфику того или иного общества, особенно незападного типа, он является надежным оружием против «евроцентризма» («западноцентризма») современной науки. Однако с самого начала цивилизационный подход встретил жесткое сопротивление гуманистически настроенных мыслителей и ученых. Отмечалась его узость в понимании природы социумов и социального поведения человека.

Подобно формационному подходу, он страдает серьезным изъяном: подчиняет поведение человека и эволюцию общества действию некой неотъемлемой субстанции. В «формационном» марксизме это – классы и классовая борьба, обязательная смена «формаций» (рабовладения – феодализмом, капитализма – социализмом и т.д.). В цивилизационном подходе такой субстанцией являются различные «органические» качества данной цивилизации. И формационный, и цивилизационный подходы, провозглашающие верховенство неких высших потребностей и ограничений, суть классические примеры органицистского понимания общества и индивида. В них происходит (ими производится) «биологизация» социального познания.

Модные сегодня в российской науке цивилизационные теории действительно обладают значительным объяснительным потенциалом и могут быть использованы в рамках социально-гуманитарного комплекса дисциплин. Однако они не должны довлеть. Очевидно: нынешнее повышенное внимание к цивилизационной тематике связано с тем, что в нашей науке после отказа от формационного марксизма сохранилась привычная потребность в обладании универсальным и тотальным объяснением мироустройства. В этом смысле цивилизационный подход очень удобен: создает иллюзию целостного, всеохватного знания. И именно в этом смысле россиеведение и противостоит как цивилизационному, так и формационному подходам. Притом считает своей важнейшей задачей освоение богатой цивилизационной и формационной проблематики и выработку к ним творческого, критического отношения.

Следует подчеркнуть: мы особенно не держимся за термин «россиеведение». Более того, не убеждены в том, что «россиеведение» – лучшее название. Но мы пользуемся им так же, как термином «востоковедение», подчеркивая тем самым, что для изучения Востока недостаточно только традиционных научных дисциплин, евро-(западно)-центричных подходов, методологий; в Востоке есть нечто, что в них не укладывается. Мы избрали

«россиеведение», поскольку полагаем этот термин содержательно нейтральным и не имеющим каких-то «опасных» коннотаций.

Кроме того, «россиеведение» уже имеет свою историю. Этот термин активно применялся в образовательной системе России конца XIX – начала XX в. Одним из первых в постреволюционные годы его употребил Петр Савицкий – лидер евразийства, крупнейший специалист по политической, экономической географии, геополитике и т.д. В то же время (в 1920–1930-е годы) в немецкой науке появилось понятие «Russlandskunde» («россиеведение»), обозначающее целостный подход к изучению России. Позже в послевоенной англоязычной науке возникло направление «russian studies» («русские исследования»). То есть аналоги «россиеведения» есть в языках, обеспечивающих современные научные, межкультурные коммуникации.

О России как объекте исследования

Убеждение в необходимости россиеведения разделяется далеко не всеми в России. Бóльшее число отечественных исследователей в основном удовлетворены тем научным инструментарием, который дает западная наука. В попытке сконструировать россиеведение они видят очередной эксцесс русского утопизма, преувеличивающего российскую специфику. Согласимся: встав на эту точку зрения (россиеведение в России есть необходимость), легко дойти до того, что по-немецки называется «Sonderweg». Здесь мы сталкиваемся с реальной проблемой: как бы не поддаться искушению «особого пути». Однако существует и другая, не менее серьезная опасность: не понять, не распознать того, что происходит в России, если мерить «русское» меркой Франции, Германии и т.д., не замечать особенностей этого «русского». Причем это опасно и с научной, и с социальной точек зрения. В конечном счете наука должна, насколько это в ее силах, адекватно представлять хотя бы ближайшие возможности и потенциалы изучаемого общества. Россиеведение, какие бы подходы оно ни предлагало, предназначено именно для этого – в этом и состоит его неотменяемый вызов.

Чтобы избежать эти крайности, необходимо сочетать, синтезировать разные исследовательские подходы. Мы вообще выступаем за разнообразие подходов и форм, стилей и методов; считаем, что не может быть одного нормативного исследовательского подхода, что должно быть множество точек зрения на анализируемое явление. Только при использовании разных «призм» рождается стереоскопический эффект, который и приближает нас к пониманию природы изучаемого: России.

Россия (как, впрочем, и любая другая страна) – чрезвычайно сложное социоисторическое, социокультурное образование. В ней соединяются и европейское, и евразийское, и азиатское начала. У нее может быть несколько

идентичностей, и она всегда находится перед выбором: что будет доминировать, что возобладает. Вот уже в течение нескольких столетий доминантой для России является европейская ориентация. Во многом отсюда – тяготение ученых к соответствующим познавательным методам и моделям. То, что диагнозы и прогнозы, сделанные в рамках этих подходов, часто себя не оправдывают, объясняется не их неадекватностью, а неоднозначностью (точнее, многозначностью) объекта исследования.

К России, безусловно, применима европоцентричная исследовательская логика, поскольку – и мы только что сказали об этом – в ее природе есть и европейские основы. У нас с Европой общие христианские истоки (различия православия, католичества и протестантизма не отменяют того, что все эти «виды» находятся внутри одной «семьи»). А это значит, что в сердцевине русской культуры, как и у всех европейских, тема личности. В этом смысле мы с Европой родственны. Кроме того, близость рождается из связей, из общей истории. Киевская Русь – хоть и окраинная, но значимая часть христианской ойкумены. К северо-европейской цивилизации во многом принадлежала Новгородско-Псковская Русь. Европейцы издавна присутствовали в русской истории⁴: и «по позитиву» (жили, работали, учили), и «по негативу» (конфликтовали, воевали). Начиная с эпохи Смуты контакты Московии с Западом становятся постоянными.

Петровская эпоха помогла становлению русской культуры как европейской по преимуществу. Даже в традиционной деспотической государственности стали проглядывать европейские черты – со временем все больше и больше. С начала XVIII столетия (а, может быть, даже и раньше – с XVII в.) Россия признавалась частью европейской политики. Более того, она таковой и была. Как бы ни отличалась наша страна в XVIII – начале XX в. от других европейских держав, она принимала самое активное участие в европейском концерте. Все это свидетельствует о европейскости России.

Конечно, связь «Россия – Европа» – сложная, неоднозначная; она обременена противоречиями и конфликтами. Но что несомненно, так это величие и европейский (иначе говоря, мировой) характер русской культуры и русского языка. Это главные достижения русской цивилизации, самый большой продукт русской истории. Причем продукт высшего мирового качества, мировых стандартов. Русский роман XIX в. и русская поэзия XX в. сопоставимы со всем – с греческой философией и искусством, с римским правом и государственностью, со средневековым монашеством, с Ренессансом, с немецкой философией и музыкой, с французским Просвещением. Благодаря культуре, языку Россия совершенно неповторима в мировой истории. Это абсолютно

---

4. Хотя, конечно, мы знаем и времена русской изоляции. Бóльшей частью – самоизоляции.

современные культура и язык, стоящие вровень с английским, французским, немецким и др.

Русская культура сопротивляется искушению антиевропеизма. В ней преодолеваются те дефициты, которые обнаруживает русская социальность: слабая потребность в свободе, в солидарности, в праве, практически полное отсутствие ощущения «другого» (невнимание, недоверие к «другому», отрицание за ним каких бы то ни было прав) и проч. В этом смысле русская культура – преодоление того неевропейского, что есть в русской социальности, того, что столетиями ее калечило, мешало и мешает ей развиваться.

И, наконец, не будем забывать: наиболее благоприятные периоды в русской истории случались тогда, когда Россия твердо выбирала европейскую ориентацию. На этом пути она становилась нормальной и современной страной. Подчеркнем: чтобы стать современной (во всех отношениях – в том числе в научном), России нужна именно европейская «прививка».

В то же время Россия, конечно, не является европейской страной в классическом смысле. Принадлежать к европейской цивилизации – значит наследовать античной цивилизации Греции – Рима, быть христианско-католической, пройти феодализм, Ренессанс, Реформацию, Просвещение, капитализм и пр. Это означает преобладание тенденции к господству права, устройство власти и на договорных отношениях, а не только на насилии. Это предполагает развитие науки, университетов и, безусловно, определенные природно-климатические условия.

Кстати, особое значение для России (для толкования ее как «не-Европы») имеют пространства: и их неевропейская природа (климат, огромность, неосвоенность), и неевропейский способ освоения (экстенсивный, эксплуатационный, «неэкологичный»). Это, пожалуй, одна из главных дилемм русской истории: «азиатские» пространства и действующий на них человек с некоторыми европейскими чертами характера.

Россия большинству условий «классической европейскости» не соответствует. Поэтому нельзя отказать в глубоком понимании российского исторического пути таким мыслителям, как Чаадаев, славянофилы, евразийцы. Это не значит, что мы с ними полностью или во многом согласны, но некоторые их наблюдения, выводы представляются вполне релевантными.

Итак, для познания такой культуры, как русская, требуется особая исследовательская оптика. Применение к России того инструментария, который выработан западной социально-гуманитарной наукой, позволяет понять «русское» в том объеме и на той глубине, на котором и в которой Россия – страна европейская. Изучение же России с *россиеведческих позиций, акцентирующих особенность этого исторического развития*, – уяснить «русское» в том объеме и на той глубине, в которых Россия не есть Европа.

Нам очевидна необходимость того, чтобы ученые, даже расходясь во мнениях, говорили на *научном* языке и исходили из презумпции свободы исследования. Кроме того, при различии подходов к изучению России науке требуется общее, объединяющее целеполагание: Россия демократическая, либеральная, правовая, плюральная, социальная и т.п. Эта ориентация – единственно возможный двигатель развития страны. То есть и единственно приемлемый контекст для исследований. Вне ценностных измерений социально-гуманитарная наука теряет свои общественные роль и значение. Поэтому именно и только в таком контексте, в таком виде россиеведение в России не только возможно, но и необходимо.

О задачах россиеведения

Следует также сказать, что задачи россиеведения со временем могут меняться. Точнее, в какой-то период на первый план выходят одни, в другой – другие. Когда в 2008 г. был создан Центр россиеведения, мы хотели «научиться» рассматривать Россию как целостный социокультурный и социоисторический феномен. При этом исходили из того самого факта «недостаточности» исключительно западной науки в изучении России, о котором мы уже говорили.

По прошествии более чем десяти лет основные задачи россиеведения нам видятся несколько иначе. И это связано с поведением самого объекта исследования – России. В последние пять лет она совершила очередной исторический поворот, вновь «обманув» большинство ее исследователей. Сегодня перед нами в значительной степени другая страна, другое общество. О содержании этого поворота мы говорить не будем, поскольку он очевиден для всех – правда, с разным к нему отношением. И теперь в фокусе нашего внимания – изучение его причин и глубины. Это, в свою очередь, предполагает поиск новых подходов и к советскому прошлому, к которому, кстати, апеллируют идеологи этого поворота, и к постсоветскому историческому пути, сегодня уже четвертьвековому.

Когда-то выдающийся русский историк Р.Ю. Виппер писал: «Произошло все как раз наоборот предвидению теории – мы притягивали историю для объяснения того, как выросло Русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет... проверить свои суждения. Он властно требует объяснения, надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования... науки» [1, с. 3]. Виппер имел в виду ситуацию революции 1917 г. – до и после. Только со временем стало понятно, насколько верен этот «призыв».

В XX в. в России возник особый тип общества – иной по сравнению с той социальностью, с которой имела дело наука. Его познание требовало дейст-

вительно принципиального концептуального обновления. Социальная наука на Западе в основном занималась массовым, «открытым» (в терминологии К. Поппера), плюралистическим обществом. В рамках же СССР сформировалось массовое общество «закрытого» типа, где всячески подавлялись индивидуализм и индивидуальность с их претензиями на автономию, свободу, права, право, с потребностью в их институционализации. Все строилось по преимуществу на массовых инстинктах (выживания / самозащиты), иллюзиях, энтузиазме, «вере», привычке к подчинению, страхе и т.п. И, конечно, это общество не предполагало саморефлексии. Попытки его понять имели по преимуществу ненаучный характер (как «Архипелаг ГУЛАГ»).

Хотя изучение и описание советского общества продолжается уже едва ли не столетие, многое в нем еще не уяснено. Несмотря на все усилия западных и российских исследователей, не преодолен дефицит понимания этого феномена (его истоков, генезиса, природы, причин гибели). (Во многом из потребности его восполнить и возникло россиеведение.) К примеру, по сей день нет определенной ясности в том, является ли «советский коммунизм» (советский коммунистический тоталитаризм) «домашним», внутренним делом русской истории или Россия была им инфицирована. А возможно, представляет собой комбинацию двух этих внешне противоположных причин? И т.п. Кроме того, из всего изученного и описанного пока не сделаны социальные выводы.

И, наконец, самое главное. Все убедительные и авторитетные концепции советского общества создавались либо еще в период его существования, либо сразу после *видимой* кончины. История последних двух десятилетий показала: «советизм» во многих своих сущностях сумел выжить в ходе Великой Преображенской (А.И. Солженицын) = Великой криминальной (С. Говорухин) = Великой демократической (демократы) = Великой антикоммунистической (антикоммунисты) = Великой национал-освободительной (национальные освободители) и т.д. революций. Он пожертвовал, кажется, всем – наличным государством, хозяйственным укладом, территорией, идеологией (а вместе с ней – большой гуманистической идеей, которой и оправдывался) и т.д. Но сохранился в нас – в наших головах, инстинктах, поступках. Он разлит в воздухе, которым мы дышим. То есть... оторвался от видимых «материальных» субстанций, превратившись в нечто квантоподобное. И в этом смысле «советизм» (название, повторим, весьма условное, но и символичное – в том смысле, что современный мир движется в прямо противоположном направлении) – это призрак, который бродит по России.

То, что случилось с советским обществом, с режимами советского типа в конце XX в., стало новым вызовом для науки. Вызовом, который в полной мере осознан только теперь. Поэтому ключевой для россиеведения мы считаем задачу теоретического осмысления выхода России из того, что можно назвать

тоталитарной моделью, и попыток строительства какого-то иного (не тоталитарного и не авторитарного) типа общества. В науке существуют различные объяснительные подходы к темам происхождения и бытования тоталитарных режимов. Процессы же детоталитаризации и эволюции общества в каком-то другом направлении прописаны недостаточно. Правда, есть знаменитые теории демократического транзита, есть постсоциалистический опыт стран Центрально-Восточной Европы, который, кстати, был во многом обусловлен интеграцией этих стран в ЕС и НАТО. Русский же посткоммунистический «транзит» оказался иным. Поэтому мы и хотим его понять.

И здесь надо отметить следующее. Россиеведение объективно противостоит попыткам псевдорационально, псевдонаучно ответить на сложные вопросы российской жизни. Ярким примером таких псевдонаучных трактовок (причем примером остро актуальным, политически значимым) являются концепции «суверенной демократии» и «суверенного народа» В.Ю. Суркова. Еще в 2006 г. на презентации книги А. Чадаева «Путин: Его идеология» (редактор – Г.О. Павловский) этот идеолог режима утверждал: «Реальным инструментом власти в современной системе является не административная вертикаль, а система влияния, основанная на моральном авторитете и значимости. Президент больше “жрец” или “судья”, чем “царь”. Но мера его ответственности при этом – “царская”... Задача Путина – создание такой системы, в рамках которой русский народ сам сможет решать вопрос о власти. Решение этого вопроса может и не включать в себя сменяемость власти любой ценой каждые четыре года или ротацию партий у власти и в оппозиции. Но принципиально важно, чтобы в решении участвовало и согласилось с его результатом большинство граждан. В этом формула демократического суверенитета» [14].

Успех сурковского творчества связан не только с его высокопоставленностью, очевидным талантом идеолога, но и с тем, что имеются вопросы, на которые у российского общества либо нет ответов, либо эти ответы его не удовлетворяют. В этой ситуации такого рода «посылы» чрезвычайно опасны. Тем самым гражданам навязывается еще одна (очередная) фантастическая точка зрения, а не открываются глаза на реальное положение вещей. Повторим, концепции типа сурковских эксплуатируют реальные, наличные особенности социоисторического и социокультурного развития России и выдают их за непреодолимое препятствие установления в стране демократического правового порядка.

Тема «Россия и демократия» вообще является полем самых фантастических и опасных спекуляций. Именно поэтому она так важна для россиеведения (сейчас, пожалуй, стала первоочередной). Россиеведение должно внятно и твердо ответить на подобные утверждения: демократия в России маловероятна, а если и возможна, то только как особая ее форма, во многом отличающаяся

от классических образцов. В последнее время высказывается мнение, что и авторитаризм у нас не «как у всех», девиантный. Здесь тоже слово за россиеведением; по отдельности история, правоведение, политическая наука, социология могут дать лишь ограниченные объяснения.

Все современные дискуссии о демократии и авторитаризме имеют не столько абстрактно теоретический характер, сколько связаны с практическими задачами исторического бытования страны: куда мы идем? И почему мы идем именно туда? В какой степени российская специфика определяет направление и характер нашего движения? И как это соотносится со свободой выбора, свободой воли, этими основами христианской цивилизации?

Задача россиеведения состоит в научном объяснении отечественных «особенностей» и в выработке предложений по строительству в нашей стране цивилизованного демократического порядка с учетом этой специфики.

О будущем

Умерший пять лет назад Борис Дубин, анализируя причины поражения в 1990–2000-е годы советской демократической интеллигенции, писал: «Ситуация эпохи гласности... вывела на поверхность готовые тексты. Готовые смыслы 1920–1930-х годов. В лучшем случае – 1960-х... Но ведь не было новых точек зрения на интеллигенцию, на народ, на прошлое, на будущее, на Восток, на Запад. Все эти понятия радикально изменили свое содержание с 1920-х годов... XX век завершился... Для русской культуры и русского сознания он, конечно, не освоен. Не освоена Вторая мировая война... Память по-прежнему – монументально-героическая. И то же самое с лагерями. И то же с национальной политикой. И то же – с национальным характером. И так далее. Тут работы – на много-много поколений вперед. Я думаю, что она только начинается. Выйдет из этого что-нибудь или нет – не знаю...» [2].

Частью этой работы: фиксировать новый опыт, осмыслять его, дать образ новой реальности (состояние страны, ее место в мире, потенциалы и проблемы и проч.) – пытался стать наш Центр. Мы хотели, чтобы «россиеведение» было срезом не только интеллектуальной, но и общественной жизни. Речь идет не о политической актуальности нашей работы, а о чуткости к общественным проблемам, отклике на них – в доступных научным работникам формах. Думаю, отчасти это удалось. Потому что наши авторы, о чем бы они ни писали и ни говорили, вовлечены в сегодняшний день, остро реагируют на происходящее в стране и мире.

В своей работе мы были откровенно пристрастны («партийны»). В том смысле, что не просто собирали новые идеи, мнения, знания, но пытались «найти» ту Россию, к которой следует идти. Имеется в виду не привычная для нас утопия: «когда на Руси жить хорошо», а то, что мы действительно можем

построить. Перефразируя А.С. Хомякова, скажем: неправы те, кто сомневаются в правоте сомнения в России. Но не правы и другие, для кого аутентичная Россия изображена, скажем, в романах В. Войновича и В. Сорокина.

У современной России есть потенциал страны, которая способна обеспечить своим гражданам достойное существование. И это не нефть и газ (хотя и они нам не помешают). Но – культура, энергия созидания и опыт сопротивления злу. У нас есть чем поддержать настоящее и что вложить в будущее.

Сейчас мы переживаем очень сложный, трагический даже момент. Страна как бы забыла о будущем – живет короткими перспективами, тонет в миражах прошлого. Такого рода выпадения из времени опасны. Если человек не реализует (по разным причинам) потенциалы, в нем заложенные, он не просто останавливается в развитии, но – деградирует. Так и социальный организм: принимая логику «выживания», гася в себе потенциалы развития, он не стабилизируется, а вползает в застой.

В этом смысле показательна судьба того Института, которому принадлежит наш Центр – ИНИОНа. Она демонстрирует, каким странным путем мы (страна) движемся во времени: не эволюции, а инволюции, не развиваясь, а прерывая развитие. В результате лучшее прошлое не становится будущим (лучшее остается в прошлом).

ИНИОН все-таки надеется на продолжение. Потому что окончательное падение (распад, разложение, ликвидация) Института было бы поражением российской науки. Это означает утрату определенного типа знания, научной культуры. Более того, это стало бы и социальным поражением. Теряя в знаниях, культуре, свободе, открытости, социум лишается способности к развитию. А это невосполнимо. Утрачиваются навык, опыт, традиции, сама потребность развиваться, наконец.

Будущее ИНИОНа – в сохранении всего созданного, упрочении базового принципа его работы: поиск, обновление, постоянная научная экспансия. Наш Центр хотел бы оставаться частью этого движения.

Библиография

1. Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань: Гос. изд-во, 1921. 37 с.
2. Потеря невосполнима: Памяти Б.В. Дубина // Новая газета. 2014. 22 авг.
3. Россиеведение: Отечественные исследователи: Справочник / Отв. ред. И.И. Глебова; Сост. М.С. Пальников, В.И. Плющев, О.В. Хмелевская. М.: ИНИОН РАН, 2014. 322 с.
4. Современная Россия: Дискуссия (Материалы семинаров Центра Россиеведения ИНИОН РАН, 2008–2013) / Отв. ред. И.И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2014. 324 с.
5. Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив. Материалы семинара Центра Россиеведения / Отв. за выпуск М.А. Арманд. М.: ИНИОН РАН, 2010. 88 с.
6. Труды по Россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр Россиеведения; Гл. ред. И.И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2009. Вып. 1. 426 с.

7. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. И.И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2009. Вып. 2. 466 с.
8. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. И.И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2011. Вып. 3. 490 с.
9. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. Вып. 4. М.: ИНИОН РАН, 2012. 528 с.
10. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. Вып. 5. М.: ИНИОН РАН, 2014. 514 с.
11. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. Вып. 6. М.: ИНИОН РАН, 2016. 472 с.
12. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. Вып. 7. М.: ИНИОН РАН, 2018. 600 с.
13. Хрестоматия по россиеведению / Отв. ред. И.И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2015. Вып. 1. 249 с.
14. Что понравилось Владиславу Суркову и «Единой России» // Коммерсантъ. 2006. № 24. 10 февр.

References

- Chto ponravilos' Vladislavu Surkovu i «Edinoj Rossii» // Kommersant. 2006. N 24. Feb. 10.
- Hrestomatija po rossievedeniju / Otv. red. I.I. Glebova. Moscow: INION RAN, 2015. Is. 1. 249 p.
- Poterja nevospolnima: Pamjati B.V. Dubina // Novaja gazeta. 2014. Aug. 22.
- Rossievedenie: Otechestvennye issledovateli: Spravochnik / Otv. red. I.I. Glebova; Sost. M.S. Pal'nikov, V.I. Pljushhev, O.V. Hmelevskaja. Moscow: INION RAN, 2014. 322 p.
- Social'naja pamjat' v institucional'nom izmerenii: Postsovetskij arhiv. Materialy seminarov Centra rossievedenija / Otv. za vypusk M.A. Armand. Moscow: INION RAN, 2010. 88 p.
- Sovremennaja Rossija: Diskussija (Materialy seminarov Centra rossievedenija INION RAN, 2008–2013) / Otv. red. I.I. Glebova. Moscow: INION RAN, 2014. 324 p.
- Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. I.I. Glebova. Moscow: INION RAN, 2009. Is. 1. 426 p.
- Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. I.I. Glebova. Moscow: INION RAN, 2009. Is. 2. 466 p.
- Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. I.I. Glebova. Moscow: INION RAN, 2011. Is. 3. 490 p.
- Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. Glebova I.I. Is. 4. Moscow: INION RAN, 2012. 528 p.
- Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. Glebova I.I. Is. 5. Moscow: INION RAN, 2014. 514 p.
- Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. Glebova I.I. Is. 6. Moscow: INION RAN, 2016. 472 p.
- Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. Glebova I.I. Is. 7. Moscow: INION RAN, 2018. 600 p.
- Vipper R.Ju. Krizis istoricheskoj nauki. Kazan': Gos. izd-vo, 1921. 37 p.